

люди искусства

Строгий себе судья

Герман ПОПЛАВСКИЙ

Крылатое выражение «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» — это давнее изречение известно всем. А я часто думаю, что жилище человека не менее красноречиво говорит, «кто ты». В этом я еще тверже убедился, побывав дома у Пантелеймона Марковича Норцова — профессора, народного артиста республики, певца и педагога. Как обычно у артистов, здесь обилие книг, собрание картин, но они не ослепляют, не кричат о своей уникальной красоте, нарядности, исключительности. Наоборот, «живут» неоско, даже обыденно и, видно по всему, служат работе, творчеству удивительно скромного, но весьма знаменитого хозяина.

В самом деле, в плеаде блестящих советских мастеров оперной сцены имя Норцова — обладателя лирического баритона красивейшего тембра — одно из самых известных. Исключительная музыкальность, артистизм, тонкость интерпретации, высочайшее вокальное мастерство, а главное, голос певца, поразительный по многоцветию вокальных красок, принесли ему славу. Каждый из созданных им художественных образов и на оперной сцене, и на концертной эстраде — плод вдохновенного творчества, раздумий, даже исследований талантливейшего актера-певца.

Когда приобщился он к музыке?

— Я с детства сдружился с народной песней, — вспоминает артист, — и сам очень любил петь. Да разве могло быть иначе? Представьте себе украинское село — здесь прошло мое детство. Бывало, выйдешь вечером на крыльцо, кажется, все село поет — то протяжный, грустный мотив берет за душу, то задорная, зазывная мелодия заражает своим весельем. Так вот и втянулся, запел, но разве мог когда-нибудь даже мечтать, что это станет моей судьбой, что я, уроженец затерянного на Полтавщине села Пасковично, буду работать на сцене Большого театра — гордости национальной культуры!

В годы учения в Киевской консерватории (класс профессора В. Цветкова) юноша жадно впитывал все музыкальные впечатления: в городе гастролировали выдающиеся певцы Л. Собинов, Н. Фигнер, П. Песевич, Д. Смирнов и другие, и их искусство сыграло немалую роль в формировании артиста.

Еще студентом консерватории Норцов был принят в Киевский театр оперы и балета.

Нужно ли объяснять, какой замечательной школой стало участие в оперных спектаклях. Но, пожалуй, едва ли не решающую роль сыграла в его судьбе встреча со Станиславским, когда профессор Цветков привез показать своих лучших учеников выдающемуся деятелю театра. «Вам многое дано, — сказал Константин Сергеевич молодому артисту. — Остальное зависит от вас. Не хотите ли поработать в моей студии?»

И вскоре от Станиславского пришел вызов, и Норцов приехал в Москву. Однако Большой театр манил неудержимо и властно, тем более, что в то время был объявлен набор в студию при Большом, и начинающий певец, решивший тоже попробовать свои силы, так понравился приемной комиссии, что был сразу же зачислен в труппу.

Когда спрашиваешь у Пантелеймона Марковича о самых памятных днях в его жизни, он прежде всего называет совместные выступления с Леонидом Витальевичем Собиновым и Антониной Васильевной Неждановой.

— Во время своего дебюта в партии Онегина я не столько волновался по поводу того, как примут зрители меня, неопытного, молодого, сколько по причине, что пою с самим Собиновым. И честь, и ответственность — то какие! Однако великий артист с присущей ему чуткостью и товарищеской доброжелательностью всячески старался поддержать меня и сделал все, чтобы быстро установить со мной контакт на сцене. Конечно, я запомнил это на всю жизнь!

В свою очередь Собинов с искренней симпатией относился к молодому певцу, опекал его, пристально следил за творческим ростом, щедро одаривал дружеским вниманием.

Совершеннейшее создание Норцова — образ Онегина. Не случайно его называют лучшим Онегиным советской сцены. Высокий артистизм, редкое изящество, элегантность, особое очарование лирической грусти, порывистая трепетность и одновременно благородная сдержанность сделали образ Онегина в исполнении Норцова подлинным открытием.

Известно, что Собинов работал над партией Ленского на протяжении многих лет. Подобно своему наставнику тщательно, упорно, продуманно совершенствовал образ Онегина Норцов. Статьи Белинского и Стасова, переписка Чайковского, первые рецензии на оперу «Евгений Онегин», издания пушкинской эпохи, исследования по

истории костюма, грима — все изучалось артистом с самым пристальным вниманием.

В масштабной ретроспективе истории, музыки и пения раскрывался Норцовым сложный, противоречивый, полный психологических нюансов образ Мазепы в одноименной опере Чайковского. Кстати, не только над образами главных действующих лиц работал с такой тщательностью артист. Порой даже второстепенные, эпизодические роли он делал настолько ярко, выпукло, что они становились центральными, запоминающимися и получали наивысшую оценку у зрителей и общественности, вплоть до присуждения за такую работу Государственной премии СССР (например, партия Светлейшего в «Черевичках» Чайковского).

Глубокое постижение стиля произведения проявилось и в исполнении певцом зарубежного репертуара: его Жермон в «Травиате» Верди, его Дон Жуан в одноименной опере Моцарта забываем...

Большую роль в становлении певца сыграло участие в постановках первых оперных сочинений советских авторов.

Норцов — прекрасный интерпретатор камерных вокальных сочинений классиков русской и западной музыки, произведений советских авторов. И здесь ему присущи глубокая продуманность, высокая культура произношения слова, прекрасная дикция и тонкая фразировка.

И еще одно удивительное качество отличает творческую деятельность Норцова — он не только певец-актер, но и аналитик, исследователь. Об этом свидетельствуют своеобразные рефераты, составленные им для каждой исполненной роли, — настоящие аналитические работы, созданные на стыке музыковедения, истории, литературоведения.

Работать, мыслить, творить — в этом вся жизнь Пантелеймона Марковича. Деятельность его многообразна, и ко всем своим делам артист относится увлеченно, радостно, ответственно. Именно поэтому его по праву признают одним из авторитетнейших педагогов-вокалистов.

Творческие интересы Норцова чрезвычайно разнообразны и многогранны. Не было, наверное, ни одного крупного события в культурной жизни страны, которое бы выпало из поля зрения Пантелеймона Марковича. Он страстный знаток драмы, давний поклонник МХАТа, Малого театра и Театра имени Вахтангова; симфонические концерты, гастроли зарубежных коллективов и солистов, художественные выставки — все это интересует и волнует его.

Но особую роль в становлении его артистического таланта сыграла страстная любовь к живописи, многолетняя дружба с крупнейшими русскими художниками М. Нестеровым, П. Коринным, знаменитыми Кукурыниками — М. Куприяновым, П. Крыловым, Н. Соколовым. Последний, неоднократно рисовавший артиста за кулисами Большого театра, признается: «С первой же встречи с Норцовым я был просто удивлен его знакомством с русской живописью. Это было не только знакомство, но и огромная любовь к этому искусству, а главное, очень тонкое понимание его».

Пантелеймону Марковичу недавно исполнилось 80 лет, но он по-прежнему в самой гуще художественных событий — его искусство, его мастерство все так же служат людям. Не так давно многим его делам прибавилось еще одно — консультант по вокалу в Большом театре.

Почти ежедневно Пантелеймон Маркович отправляется в Музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, где более четверти века ведет класс оперного и камерного пения. Глядя на этого высокого, подтянутого, энергичного человека, быстрого и легкого в движениях, никогда не дашь его возраста. Так же молодо звучит его красивая содержательная речь, так же пыллив ум, так же задорен взгляд.

И он зажигает своей энергией, своим постоянным стремлением не отставать от жизни учеников, становясь для них не только педагогом, наставником, но и старшим товарищем, добрым другом.

Народный артист РСФСР П. Норцов.